

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ВИХРИ РУССКОЙ МЕЧТЫ

ЗЕМЛЯ СВЯЩЕННЫХ РОЩ

Марийская мечта – это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами.

У каждого народа есть своя заповедная, своя сокровенная мечта. Она, эта мечта, объединяет нравы, обычаи, культуру, язык, ведёт народ от поколения к поколению, из века в век, а иной раз – от тысячелетия к тысячелетию. Эта мечта живёт среди мечтаний других народов, и иногда может показаться, что эти мечтания соперничают, что среди них возникает распря. Но это лишь на первый взгляд. По мере того как мечта одного народа становится всё возвышенней, всё небесней, она начинает соприкасаться с мечтаниями других народов на том же возвышенном, небесном уровне, и там эти мечтания сближаются, а иногда совпадают.

Русская, российская мечта состоит из мечтаний множества народов, населяющих нашу державу. И эти мечтания, как цветы, которые собираются в великолепный букет. Мудрый, просвещённый правитель собирает эти мечтания, эти божественные цветы, складывая их так, чтобы из них получился букет, а не сухой заскорузлый веник.

Жизнь водила меня по континентам и странам, я искал мечту среди разных народов, пытаюсь найти её воплощение. Теперь я оказался среди марийцев, удивительного народа, который, работая на ультрасовременных заводах, участвуя в российской политической жизни, с дипломами профессоров и с погонами боевых генералов, – этот народ несколько раз в году уходит в священные рощи и там, среди священных деревьев, возносит свои мольбы к солнцу, к воде, к матери-земле, поклоняется травам, цветам, птицам, обожествляя природу, обожествляя мироздание, обожествляя весь космос.

Марийский машиностроительный завод – не просто градообразующее предприятие в центре Йошкар-Олы. Это государствообразующий завод. Из таких заводов состоит государство Российское. Работа этого завода есть вклад марийцев в общероссийское оборонное дело. Завод выпускает могучие самоходные установки, прикрывающие с воздуха сухопутные войска. Ракеты этих комплексов сбивают небесного противника на расстоянии сотен километров.

Директор завода Борис Иванович Ефремов – человек народный, деревенский, весь в непрерывных великих хлопотах по сбережению и развитию

Продолжение. Начало в №1-4 за 2019 год.

предприятия. Отправляет на полигоны партии готовой тяжеловесной продукции, переводит управление грандиозного оборонного производства на цифровой лад, осваивая эту загадочную цифровую реальность. Компьютеры управляют заводом. Компьютеры следят за мировым рынком, где конкурируют боевые системы различных стран. Компьютеры вслед за изделиями завода отправляются в Сирию, и там в боевых условиях отслеживают точность и надёжность систем. Директор – технократ, оборонщик. Вклад завода, вклад Марийской республики в обороноспособность России неоценим.

Марийцы – народ-государственник. Сюда в военные годы с запада перекочевали десятки предприятий. Здесь великий Вавилон в 1943 году ставил свои уникальные физические опыты. Отсюда на фронт уходили солдаты и возвращались с Золотыми Звёздами Героев на груди. И уже сегодня несколько марийцев носят звание Героев России. И так удивительно было слышать от генерального директора Бориса Ивановича Ефремова, когда он увлечённо рассказывал о своих директорских хлопотах, откровенные признания: если дело кажется безнадёжным, он просит высшие силы, просит духов, населяющих небо, просит солнце и радугу помочь заводу. И те, как утверждает директор, помогают.

Тысячеголовое козье стадо в России – редкость. А тут, в Марий-Эл, – огромные белоснежные козы стада, бредущие среди бескрайних изумрудных полей. Пастух, как кудесник, что-то пропоёт, промурлычет, и козы идут за ним послушно и преданно всем своим белым рогатым скопищем. Агрохолдинг, занимающийся разведением коз, продающий козье молоко, творящий из козьего молока простокваши, йогурты, сыры, – явление уникальное и славное по всей России. Руководитель этого процветающего холдинга – Владимир Тарасович Кожанов – объясняет, почему занялся столь редким для России делом – разведением коз. Да потому, говорит он, что козье молоко целебно. Им отпаивают безнадежно больных, оно возвращает старцам молодость, а немощным – силы. Козье молоко идёт на изготовление детского питания, потому что здесь, в этих лугах и полях, на этих козьих фермах, в козье молоко не попадает ни генетических добавок, ни химикатов.

Я дегустировал сыры. Вкус – великолепный и у лёгких, прозрачных сыров, и у сухих, тяжёлых, и у сыров с плесенью, на манер камамберов. Поля, среди которых стоят животноводческие фермы и раскинулись козы пастбища, окружены рощами. Тёмно-зелёные, они похожи на острова, спустившиеся с неба в зелень полей. Конечно, основные заботы хозяина – в том, как бы успешней сбыть товар в Йошкар-Оле или в Москве, а то и за границей, как увеличить пастбища, как справиться с налогами и самодурством чиновников. Но, несмотря на все очевидные хозяйственные и экономические заботы, мне кажется, что в основании всех этих хлопот, в основании этого удивительного увлечения лежит всё та же марийская особенность: поклонение природе, её чистоте, её целительным силам, её волшебному могуществу, побеждающему хвори и смерть.

И я искал эту марийскую тайну, эту сокровенную марийскую мечту, посещая замечательные театры – украшение Йошкар-Олы. И в недавно возведённом Марийском государственном театре оперы и балета, сияющем ониксом и мраморами, беседуя с министром культуры, художественным руководителем театра Константином Анатольевичем Ивановым, я вдруг почувствовал дыхание этой марийской тайны. Константин Иванов, солист балета, пятнадцать лет танцевал первые партии в Большом театре в Москве. Его усилиями возведён этот восхитительный, похожий на храм театр. И он признался, что, создавая великолепные спектакли, такие, как “Юнона” и “Авось”, “Иисус Христос – суперзвезда”, “Маугли”, он мечтает поставить здесь “Весну священную” Стравинского, ибо эта священная весна, эта священная музыка, эти священные обряды – не где-то в прошлом, а здесь, рядом, в марийских священных рощах, в марийских песнопениях, в живых марийских мифах и сказках, в марийских танцах и в изумительных марийских костюмах: белоснежных, шитых алым шёлком, с бусами и монистами, в которых найдёшь ещё серебряные деньги стародавних царских времён.

Эта марийская культура, не тронутая цивилизацией, устоявшая перед натиском городов и заводов, обитает здесь, рядом, и готова питать, поить из своих деревянных ковшей творчество художников, музыкантов, поэтов.

В художественной галерее, куда меня привёл Константин Анатольевич Иванов, среди добротных реалистических картин я вдруг увидел созданные совсем недавно картины, которые сами художники называют этнофутуризмом. На этих картинах, писанных яркими красками, создаются метафоры, магические символы, среди которых летают священные птицы, растут священные деревья, восходят и заходят солнца и луны, горят домашние очаги, благоухают караваи хлеба, сияют, как красные ягоды, вышивки на домотканых холстах. Это не наивное народное искусство, не стилизации под клеёнчатый коврик. Это работа современных философов, знакомых с мировым искусством и вносящих в это искусство неповторимое мировоззрение марийского народа, выраженное в удивительных символах и орнаментах.

И вот я увидел, наконец, священную марийскую рощу, этот заповедный лес. Сюда на моление из далёких городов и соседних сёл стекаются люди. Оставляют свои машины в стороне, в полях и идут пешком в белоснежных одеждах, подпоясанные алыми кушаками. Женщины – в платках и долгополых юбках. Мужчины – в рубашках, косоворотках. Серьёзные, вдохновенные вступают в рощу, как вступают в храм. И не узнаешь среди этих людей, кто – простой крестьянин, кто – боевой генерал, кто – прокурор, а кто – прославленный художник или писатель. Все равны. Все торжественны, все в белоснежных одеждах. В рощах горят костры, и над ними в огромных кипящих котлах варится жертвенное гусиное мясо. Гусь, утка – священные для марийцев птицы.

Под дивной высокой берёзой, сияющей, как серебро, уходящей своим чудесным стволом в поднебесье, установлен длинный деревянный стол, и на него все приходящие кладут свои дары. Кто караваи, кто пироги, кто блины. Горят тонкие церковные свечи. Жрецы, волхвы (их здесь называют “карты”) в белых войлочных колпаках выслушивают прихожан, вызнают об их просьбах, заботах, об их хворях, о дурных делах и поступках, которые им суждено было совершить. Подхожу и я. Не исповедоваться. Я из другой, православной, веры, у меня свой духовник. Но карт в белом колпаке смотрит на меня своими спокойными, глубокими глазами, и мне кажется, он угадывает мои чаяния.

Начинается молебен. Несколько картов, обратив лица к берёзе, собрав за своей спиной явившееся на молебен многолюдье, читают на марийском языке молитвы, просят мать-природу, просят солнце и небо послать людям благо, мир и здоровье, семьям достаток, благоденствие. Просят избавить людей от злых помыслов, от недугов, соединить их в братское сообщество, живущее среди природы гармоничной возвышенной жизнью, нашедшее свой покой, свой смысл в гармонии со всем мирозданием – с каждым цветком и с каждой звездой, с каждым древесным стволом и с каждой поющей птицей.

Один карт сменяет другого, одно молитвенное песнопение, то глухое, рочочущее, то возвышенное, певучее, сменяет другое. И я чувствую, как меняется вокруг меня окрестный мир. И кажется, на это молитвенное песнопение слетелись птицы со всего леса и поют, щебечут – вторят молитвам.

На десятой-двадцатой минуте молебна я вдруг чувствую, как начинает благоухать окружающий меня лес, как пахнет горячей сосновой и еловой хвоей. Как благоухает берёза, словно её распарили, и она превратилась в огромный щедрый веник поднебесной бани, где из людей вытапливаются и уходят прочь все их недуги, все их порчи, все их дурные мысли, и люди светлеют лицами. У некоторых на глазах – счастливые слёзы.

Я спрашивал у верующих, что они чувствовали. И все они на разные лады говорили, что они испытывали счастье. Счастье это было в полноте, в возвышенных чувствах, в любви, которой они соединялись друг с другом, со своими умершими предками, со своими пока не родившимися потомками, со священными лесами, с птичьими голосами. И мне казалось, что здесь, в священной роще, я понял сокровенный смысл марийской мечты. Она, мечта – в гармонии, в соединении распавшегося, расчленённого мира в единый благоухающий лес.

И по сей день в глазах моих движутся эти белоснежные вереницы, похожие на праведников, что изображаются на русских иконах и фресках. До сих пор я вижу священную берёзу и марийских волхвов, славящих мироздание.

С главой республики Александром Александровичем Евстифеевым мы говорили о марийской мечте. И он, опытный политик, хозяйственник, укрощавший в своё время безумные суверенитеты, готовые расслоить и распылить в прах молодое государство Российское, он, как и все главы регионов, мучительно переживающий экономический спад, хозяйственные неудачи и неурядицы, он полагает, что вклад этой небольшой приволжской республики с немногочисленным древним народом в общерусское дело, в общерусскую вековечную мечту, этот вклад – неповторимое марийское мировоззрение, это драгоценное состояние души, которое в эпоху агрессивной цифросферы, в эпоху рационализма и жестокосердия привносит в человеческую жизнь божественную, разлитую в природе благодать. И его мысль – посадить в Москве священную рощу. Ведь есть же в Москве множество православных храмов, есть и кирхи, и костёлы, и баптистские молельные дома, и мечети, и синагоги. Так почему бы этой уникальной, восхитительной марийской религии, являющейся религией официально признанной, не утесняемой, не иметь в Москве свой лесной молитвенный храм?

Марийская интеллигенция, как и всякая другая, со своими внутренними раздорами, присущим интеллигенции недовольством, эта интеллигенция, перед которой я явился со своими духовными поисками, была едина в одном: все они – хранители марийского языка, марийской неповторимости, марийского духовного чуда; оберегают это чудо – кто в книжном деле и писательстве, кто в живописной мастерской или на театральной сцене. И в общении с ними я понял и утвердился в том, что марийская мечта в своих высочайших проявлениях сливается с русской мечтой, с ненецкой мечтой, с татарской мечтой. Это мечта о целостности и гармонии мира, о целостности, могуществе и красоте нашей многонациональной России, о мире между нашими народами. О мире в городах и семьях. И эта марийская мечта не уносится марийцами в свои священные рощи, а стремится в мир, в многолюдье, в нашу грохочущую реальность, желая сделать её лучше, добрее, возвышенней.

Пишу это, а сам слышу, как поют в священной роще птицы, вижу, как солнце сверкает в листве священной берёзы, как горит свеча в руках у молящегося волхва.

МЕЧТА — ЭТО СИМВОЛ ВЕРЫ

Беседуют главный редактор газеты “Завтра” Александр ПРОХАНОВ и художественный руководитель Марийского государственного театра оперы и балета имени Эрика Сапаева, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Константин ИВАНОВ

Александр ПРОХАНОВ: Константин Анатольевич, я сейчас путешествую по России, по разным её землям, бываю в гостях у разных народов в поисках нашей общей российской мечты. Мечтал побывать и в вашем регионе, чтобы понять, выведать, что есть марийская мечта. И вот я здесь.

Константин ИВАНОВ: Приятно, Александр Андреевич, что вы мечтали увидеть нашу республику, Марий Эл. Для меня мечта – это всё-таки какая-то цель. А вы – романтик.

– Да, ближе всего к мечте – цель. Но цель отличается от мечты. Отличается тем, что цель достижима, а мечта недостижима. Мечта прекрасна именно тем, что – она вечная путеводная звезда. И поиск мечты – это больше, чем романтизм. Это религиозность. Человек хочет понять смысл существования своего народа, людей в целом и себя самого как часть всего этого. И не дай Бог заменить мечту целью. Потому что, если эта цель будет достигнута, может возникнуть страшная растерянность. Или же эта цель потерпит крах. Мечта же не терпит краха никогда. Ты можешь сидеть в кандалах в тюрьме – и всё равно мечтать. Или народ может попасть под оккупацию, а всё равно мечтает.

Задача сформулировать мечту очень сложна. Но она необходима. И все крупные культурные народы должны её сложить, должны её высказать. Потому что это – символ веры.

Я, конечно, буду сам фантазировать и искать ответы на эти сакральные вопросы, но хочу посмотреть на волнующие меня проблемы вашими глазами.

Ведь мечта Марий Эл – это мечта не только марийцев, но это мечта русских, это мечта татар, башкир, которые здесь живут. Все эти народы имеют свою мечту, но они эту мечту вливают в единую реку. И это вообще почти не определимо – что такое марийская мечта. Как её определить, не учитывая мечтания ненцев, татар, русских, башкир? А вы, Константин Анатольевич, как бы определили мечту всей земли Марий Эл и мечту марийского народа в частности?

– За весь марийский народ говорить невозможно, к тому же, у каждого человека мечта своя. Но, общаясь с людьми, с моими родственниками, прежде всего, с друзьями – марийцами, татарами, чувашами, русскими, всеми людьми, которые живут на нашей земле, – думаю, могу сказать, что наша земля своей духовностью, своим светом ведёт нас к гармонии. Мечта марийского народа – в гармонии: с собой, с природой. Поэтому у нас настолько сильна любовь к природе, и отношение к ней проникновенное. Мы обожаем свои леса, озёра, реки, своё небо и любим свои поля. Потому мы, марийцы, много путешествуем по родному краю. И в своих поездках по республике, в священной роще, которую вы посетите, вы сами убедитесь, сколько людей, живущих в разных частях Марий Эл, соединяется в тех или иных значимых для всех нас местах. У нас есть общереспубликанский праздник “Пеледыш пайрем”. Сначала “Пеледыш пайрем” прошёл по всем районам республики. И когда в Йошкар-Олу на общий праздник приехали все, так скажем, мечтатели, это потрясло: единение народа вокруг цели обретения гармонии попросту в воздухе витало.

– Сама по себе природа есть символ гармонии. И выпадение из природы очень часто рождает ужасную дисгармонию, губит и тех, кто выпал из природы, и саму природу. Конечно, слава Богу, что к нам, хотя и мучительно, но возвращается то, что мы называем “экологическое сознание”. И обычно это сознание связано с рекультивацией. “Вот давайте будем беречь березняк, реку, давайте природу восстанавливать. Давайте, строя дорогу, думать, что мы строим её среди трав, среди ежей, среди муравейников”. Но сказать, что марийцы – это экологический народ, сказать мало, я думаю.

– Мало или ничего не сказать.

– Мне кажется, что марийцы, как вы сейчас правильно определили, находятся в состоянии обожания – то, что называется благоговением перед жизнью. Мы, русские, в частности, утратили это состояние во время наших работ, перемещений, революций. А марийцы привносят в нашу общероссийскую жизнь это божественное качество. В этом, на мой взгляд, огромная задача марийцев.

– Наверное, это задача, прежде всего, сохранения этого чувства, этого отношения. И важно, что мы такую задачу ставим перед собой. А насколько она будет востребована в дальнейшем для всех, покажет время.

– Вы правы, нет такой определённой задачи, но, может, она появится – задача привнесения в нашу общую жизнь гармонии. Кому её нести, как не тем, кто этой гармонии достигает?

– Сложно говорить за весь народ, потому что это зависит от каждого человека. Но относительно обожания нашим народом природы вы абсолютно правы.

Я родился здесь, в 9 лет уехал учиться в Московскую академию хореографии. Работал в Большом театре, потом вернулся из каменной Москвы, из этой полувоензированной жизни, темпа совершенно безумного, движения. Куда и зачем? Понятно, куда, а вот зачем – всякий раз задавал себе этот вопрос.

И когда возвращаешься на свою землю, понимаешь, что в этой гармонии всё по-другому. И на жизнь смотришь по-другому. Темп жизненный здесь другой. Расстояния, перемещения другие. И это всё влияет на взаимоотношения между людьми. Ведь в каком темпе ты живёшь, так ты начинаешь общаться с людьми. Здесь – более размеренно, несуетливо. И взаимопонимание между людьми лучше, чище. Хотя всякое бывает. Всё-таки люди – это характеры, прежде всего, и у каждого он свой.

– **Вы связаны с культурой всей своей судьбой. Вы – министр культуры, солист Большого театра. В каких постановках вы участвовали?**

– У меня было 14 лет счастливой жизни в Большом театре. Я перетанцевал практически все классические постановки репертуара Большого театра.

– **А прекратилась она, потому что век танцовщика...**

– Нет. Прекратилась, потому что я параллельно с работой в Большом театре начал работать здесь. В то время Владимир Васильев был художественным руководителем и генеральным директором Большого театра, и он мне позволил совмещать работу и в Большом, и здесь. И 20 лет назад я создал в Марий Эл балетную школу, балетное училище. Но далее руководство Большого театра сменилось, и мне пришлось выбирать: либо работать в Большом, либо в Марий Эл. Выбор для меня был очевиден, потому что в тот год Большой театр закрыли на реконструкцию, коллектив переехал в соседнее здание, и я понял, что для меня именно здесь, в Марий Эл, открывается большая перспектива созидания.

Зданию Марийского государственного театра оперы и балета всего 4 года. Мы его строили. И было волнующее ощущение, что ты возводишь что-то новое и великое. Для нас это не просто здание, не просто дом. Для нас это храм, где мы можем создавать те спектакли, которые хотим, которые желает видеть зритель. Это самое главное. Из Москвы меня увело желание созидать. Я понимал, что нужно, полезно быть у себя на родине.

– **Этот храм, как вы сказали, – это миссия жизненная, это духовный подвиг, который вам открылся. Может быть, это в какой-то части, в каком-то смысле есть воплощение тех мечтаний, о которых мы с вами говорили?**

– Конечно.

– **Вы правы, что само по себе такое явление, как театр, очень загадочно и таинственно. Это же не просто зрелищное учреждение. Там огромное количество тончайших энергий. В театре эти энергии собираются и потом транслируются в общество, в народ, в судьбы.**

– И у театра, к тому же, очень большая ответственность. Зрители в Марий Эл знают чистоту спектаклей, которые мы делаем. Мы не допускаем пошлостей, ничего, что бы отторгло публику. Всё-таки театр должен нести эстетику. Потому что грубости, хамства, пошлости, увы и ах, хватает и в жизни.

И каждый зритель, пришедший на спектакль, должен в какой-то степени стать чище, что-то для себя унести, обогатиться чем-то. Поэтому мы никогда не берём постановки спектаклей, где есть насилие, грубость, пошлость.

– **Что сейчас идёт на вашей сцене?**

– Оперное искусство для нас очень важно. У нас идут практически все оперы Римского-Корсакова, Мусоргский идёт, Чайковский. Мы приверженцы русской классики.

Ставим и спектакли итальянских композиторов, Верди хорошо представлен.

Если говорить о балетах, то весь спектр классических спектаклей, весь Чайковский.

В нашем репертуаре есть уникальные спектакли, которые идут только у нас. Балет “Мастер и Маргарита” в постановке хореографа из Эстонии Май-Эстер Мурдмаа. Блестящий спектакль. Булгакова редко кто ставит. Этот спектакль когда-то шёл в Эстонии, сейчас идёт только у нас, в Марий Эл.

У нас единственных идёт триптих Карла Орфа “Триумф”: “Carmina Burana”, “Песни Катулла” и “Триумф Афродиты”. Тоже в постановке Май-Эстер Мурдмаа. С успехом прошла премьера рок-оперы “Иисус Христос – суперзвезда” Уэббера. Это крайне тяжёлый спектакль в постановке. Мы к этой постановке абсолютно по-другому подошли, не жели в других странах. И пока подтвердил правильность нашего подхода.

Было непросто, возникали конфликтные истории, когда церковь говорила: нельзя! Я приглашал на репетиции и спектакль служителей церкви, чтобы понять их ощущение от спектакля. В итоге мы провели большую работу и доказали, что нашли правильный подход. У нас очень светлый финал, он зритель заставляет сопереживать и плакать.

– **Но чтобы ставить такие сложные спектакли, необходима школа. Нет ничего страшнее, когда великое произведение исполняется неумело, косо. Вы построили этот храм, значит, вы строили и весь клир этого храма.**

– Мы сначала стали строить основу, фундамент. А фундамент – это школа. В 1999 году мы создали профессиональную балетную школу. Сегодня в провинциальных театрах в труппах практически 80%, а во многих вообще 100% – приглашённые артисты. Наш театр единственный, где 98% балетной труппы – это местные кадры: родились в Марий Эл, здесь закончили школу, затем закончили ГИТИС по специальной республиканской программе. (Есть программа, по которой после окончания нашей 8-летней балетной школы наши студенты заканчивают ГИТИС. То есть мы повышаем их уровень, кругозор, мы воспитываем совершенно других артистов, нежели просто провинциальных танцовщиков.)

Помимо музыкальных школ, у нас есть замечательное музыкальное училище, но, к сожалению, нет консерватории. Есть уникальная, единственная в России школа-интернат с замечательными условиями для одарённых детей. Построен настоящий замок, дворец, где мы воспитываем детей. Собираем по всей республике лучших из лучших, самых перспективных, одарённых художественно, музыкально. Дети заканчивают школу, затем училище, затем консерваторию. И сейчас мы ведём политику, чтобы максимальное количество ребят, которые уехали из Марий Эл, вернулись и продолжали работать в театре. У нас, к счастью, это начинает получаться. В том числе потому, что есть прекрасное здание театра.

– **Был золотой век русской оперы, композиторы, объединившиеся в “Могучей кучке”. Они писали, ставили оперы, которые теперь считаются эталонными, классическими. Но ведь в основе этих опер во многом лежал фольклор: саги, мифы, исторические притчи, русские притчи. То есть в основе этих опер лежит народная жизнь. Эта народная жизнь была вынесена на петербургскую и московскую сцены и превращена в классику – высокородную, высоколобую, аристократическую. Вы живёте в Марий Эл, где всё дышит фольклором, фольклор здесь продолжает жить. Так где, как не здесь, ставить “Весну священную”?**

– Это моя мечта!

– **А почему не создать оперу или, может быть, какой-нибудь новый жанр, где присутствовала бы энергия фольклорной марийской красоты и верований? Почему теперь, когда всё это так остро, больно и высоко, не найдётся композитор, хореограф, который создал бы это?**

– Я уверен, что так будет. Уверен, потому что вижу молодых композиторов. Вижу поиски талантливейшего композитора, дирижёра нашего театра Григория Архипова. Даже порой слышу, как он на рояле музыку подбирает – ищет. И чувствуется, что он на правильном пути. Мы сейчас “Весну священную” упомянули. Материалы композиторы приносят, и я слышу там цитаты Стравинского. Но хочется, чтобы нашли своё, настоящее. И найдут, уверен, найдут.

– **Я замечал, что, если в чистом виде фольклор переносить на сцену, он может показаться слишком архаичным, может вдохновить ограниченное число людей. А фольклор, связанный с модерном, с современными представлениями о музыке, красоте, ритме, достигает потрясающего результата. По существу, и “Весна священная” – это же соединение “Мира искусства” Серебряного века с мистерией языческих тайн.**

– Да. Потрясающий спектакль. Я видел много постановок. Наталия Касаткина и Владимир Васильев в Театре классического балета в Москве делали постановку, по-моему, в начале 80-х годов, и для меня она практически эталонная.

В качестве хореографа я не готов к такой постановке прикоснуться, потому что до мозга костей – классик, а здесь совершенно другой подход нужен.

Абсолютно правильно вы сказали – фольклор. Но фольклор, если мы говорим о балете, должен быть положен на профессиональную музыкальную основу, с цитатами определёнными. Обещаю – этот спектакль появится.

– **Зовите на премьеру.**

– Обязательно. Мы к нему идём, мы его чувствуем. У нас витает дух, что спектакль должен состояться, потому что труппа прошла практически все стадии. Мы перетанцевали и всю классику, и модерн, и джаз. То есть тела артистов готовы к тому, чтобы качественно станцевать спектакль на нерве, на разрыве между фольклором, современной хореографией, пластикой и язычеством. Труппа готова.

– **Вы смотрели фильмы Параджанова?**

– Конечно.

– **Там, мне кажется, пример соединения мистической реликтовой культуры с современным кинематографом, с ритмами, с модерном, с техносферой, которая пришла в искусство. “Цвет граната”, “Тени забытых предков”. Я думаю, что здесь, у вас, есть эта клумба восхитительных цветов. Кому, как не вам, собрать букет с этой клумбы.**

– Уже сейчас активно идёт программа реализации проектов к 100-летию Марий Эл. И одна из программ, рассчитанная на 2018–2020 годы – это создание фильма. И мы хотим создать не просто кино ради кино, а чтобы это был глубокий документально-художественный или художественно-документальный фильм о марийской земле, о марийском народе. Исторически правдивый и при этом художественно наполненный. Наполненный тем, о чём мы с вами говорили: мощными, красивыми вставками художественными – языческими, из жизни народа, из глубины веков.

– **Это задача очень сложная. Одна фальшивая нота губит всю ораторию.**

– Мы задачу для себя поставили архисложную. Но я думаю, что решим её. Не хочется, чтобы или не получилось, или получилось неправильно.

– **Это восхитительная задача. Я считаю, что великое искусство во многом мифологично. И современное искусство – это тоже искусство, создающее мифы. Даже если это искусство связано с урбанистикой, с современной политикой, цивилизацией. Потому что в недрах мифа искусство чувствует себя свободнее. Оно ведь и имеет своим происхождением миф. И возвращение к мифу как к художественному приёму позволило бы очень многое вместить в него. И архаику, и модерн, и привнести что-то абсолютно своё, откровение художественное. Интересно, что вы близки к этому.**

Что на вас как министре лежит, кроме изнурительной заботы о библиотеках, финансировании, о музыкальных школах? В чём концепция вашей культуры?

– Спектр огромный: от СМИ, межнациональных отношений и культуры до архивов. Что касается архивов, то они живут очень правильно, по-научному, система там налажена. Если говорить о культуре, её надо разделять. Есть профессиональное искусство, и есть народное творчество. Народное творчество у нас, слава Богу, очень активно, чётко выстроено, и есть люди, которые не просто работают, а живут фольклором, живут в национальной культуре. Причём Марий Эл – многонациональная республика, и сказать о том, что здесь все народы живут дружно, – это ничего не сказать. Это не высокопарные слова, это действительность. Много смешанных браков.

Что касается профессионального искусства, может, поэтому глава республики меня и назначил министром культуры, что увидел достижения Театра оперы и балета. Я руковожу театром 17 лет. Возглавил театр, когда мне было 27, был самым молодым, наверное, художественным руководителем музыкального театра в мире в тот момент.

В музейном деле совершенно другие проблемы и вопросы, их много. Мы сегодня открываем новые музейные площадки. Но при этом не должны забывать, что у нас есть Национальный музей. И слава Богу, что к 100-летию Марий Эл мы вновь получаем средства федерального бюджета, которые в сочетании с республиканскими ресурсами позволяют сделать его капитальную реконструкцию.

– **У вас нет пока культурной доктрины?**

– Доктрина сложилась. Но для меня самое главное и самое важное – не навредить. Очень многое выстроено грамотно, чётко. И опять же на первое место я для себя ставлю образование. У нас есть сегодня профессионалы, но их не много, скажем мягко. А образование – это будущее поколение. Мы думаем о завтрашнем дне, потому и затеяли привозить детей из нашей провинции в специализированную школу-интернат, чтобы у нас было будущее. Ищем таланты повсюду! В фольклорных ансамблях, в профессиональном искусстве. Если мы будем вести нашу образовательную историю, то всё будет хорошо.

– **Но ведь у этого направления, будь оно у вас или у ненцев, или у русских, есть мощные персонифицированные враги. Грубо говоря, в сознание и молодёжную субкультуру врывается рэп. Он ворвался и громит всё,**

что вокруг него: всю музыкальную, поэтическую культуру, всю этику, пластику. Он до вас добрался? Врывается в ваш хрупкий мир?

– Он очень сложно врывается. Приезжают группы данного направления, но развития своей такой культуры у нас нет. Может быть, интереса нет. Есть любопытство. Приезжают коллективы, собираются полные залы. Коллективы уехали, залы разошлись. И последствий бурного развития рэпа я, например, не вижу. Хотя в молодёжной среде, безусловно, это есть, но массово этого не ощущаешь.

– **В центре Йошкар-Олы есть площадь с возведёнными на ней знаковыми зданиями – мировыми достопримечательностями. Это уменьшенная копия Спасской башни, Биг-Бен, Ласточкино гнездо, Домик Петра, готика, ратуша... И это порой вызывает улыбку. Но я думаю, что над этим не надо иронизировать, это нужно воспринимать очень глубоко и серьёзно. Марийцы – угро-финны, а угро-финнами населена планета. И марийцы, в отличие от других угро-финнов, сохранили свой орнамент, традицию, у них есть своя тайна, свои верования. Поэтому марийцы находятся в центре угро-финской цивилизации. И возведение этих зданий в центре своей столицы – может быть, это стремление марийцев вернуть себя в доминанту мировых культур.**

– Интересный взгляд. Внутри здания – копии Спасской башни – мы открыли музей. И получилось очень оригинальное музейное пространство. У нас город памятников, фонтанов, музеев.

– **А ваш Театр оперы и балета стал культурным центром?**

– Да. Причём сразу, как только мы его открыли. Так и не закрываем: у нас, по сути, не заканчивается театральный сезон. Зрители любят театр. Продажа билетов составляет в среднем 95%. А 5% как пригласительные уходят. Свободных мест на спектаклях практически нет.

– **Значит, театральное дело в России не исчезает, оно находится на подъёме? Как вам кажется?**

– В разных городах по-разному. Я езжу очень много, посещаю города, республики, регионы, по провинции езжу. Иногда мне, к сожалению, приходится говорить коллегам: “Извините, это у вас не балет”. Если девочка встала на пальцы, и мальчик её чуть приподнял – это ещё не балет. Балет – это самый сложный вид искусства, это наука, по сути, владеть собственным телом, использовать своё тело, как художник – краски.

Так что везде по-разному дела обстоят.

– **Меняется мышление, меняется система образов, и способен ли театр угнаться за изменениями, или он всё-таки уступает место другим формам?**

– Мне кажется, наоборот, у нас театр набирает популярность. Я часто на эту тему задумываюсь, с коллегами разговариваю. Сейчас век интернета, телевидения, любое шоу можно посмотреть, любой спектакль великого театра, разные формы, постановки, можешь посмотреть воплощение того или иного произведения. Но наша задача – найти свой язык общения со зрителями. Повторюсь: мы никогда не будем показывать пошлость, насилие. Никогда в нашем театре не покажем грубость. Даже если в произведении что-то такое есть, мы уберём, оставим за кулисами. Пусть человек прочтёт либретто, но на сцене этого не будет. Мы такой язык избрали. Кто-то избирает язык точного воплощения произведения, как говорится. Вот оно так, да мы тебе ещё покажем вот эдак, как в “Бандитском Петербурге”, чтоб было горячо...

– **Русский театр всегда был отчасти театром прямого действия. Всегда был двигателем политических представлений, идеологии. Чеховский театр или Станиславского и Немировича-Данченко – это в каком-то смысле прелюдия нового общества, нового представления будущего России. “Вишнёвый сад” – это же, по существу, пророчество. Поэтому спектакль и был так востребован, что люди видели вымирание этого вишнёвого сада, его вырубание, предчувствие конца. Или театр Горького. Это же грандиозный социальный авангард. Или театр Маяковского – это просто мощнейшая коммунистическая проповедь, ирония, скептицизм. Молодая Волчек, театр “Современник”. Он тоже был театром прогрессивным, тоже толкал развитие общества. Был бравировующим театром. Не говоря уже о Таганке. Таганка всегда была фрондой. Туда ходило всё наше диссидентство, ходили все протестанты в той или иной степени...**

Согласитесь, что и захаровский спектакль “Юнона” и “Авось”, хотя казалось, это история давно минувших дней, содержал элемент протеста социального. Хотя бы потому, что там стихи Вознесенского. Вознесенский – протестант, его присутствие на сцене воспринималось тоже как форма протеста.

Хотя он не был явно протестующим. И кстати, это был русский спектакль. В ту пору не очень-то говорили о России. Советский Союз был страной интернациональной, страной социалистической. И вдруг возникла работа, ностальгическая по существу, по царским временам, по истории той, царской России.

А теперь театр – это просто эстетика?

– Театр сегодня тоже можно рассматривать через призму того, что происходит в обществе. И возьмём спектакль “Юнона” и “Авось”, который два года назад в нашем театре поставила Надежда Репьёва. Тогда как раз против России начались санкции, проблемы с Украиной продолжались, в обществе накопилось непонимание, были вопросы какие-то, возникающие здесь, потому что регион региону рознь. У нас, например, более обострены чувства.

И наш спектакль “Юнона” и “Авось” просто пропитан патриотизмом... Там, безусловно, тема любви, но очень сильна и тема служения Отечеству, отчизне. И слова “уповаю на Бога и Россию” особенно подчёркиваются, воспринимаются обострённо. Так что и сейчас театр – это не просто эстетика.

(Продолжение следует)